

УДК 94 (470.58)“1925”

С. В. Воробьев

Конфликт в Курганском окружком РКП(б): красные партизаны против заведующего организационным отделом А. Г. Осокина

В статье рассмотрена экстраординарная ситуация — убийство в 1925 г. одного из руководителей Курганского окружкома РКП(б) А. Г. Осокина. Убийство произошло на фоне конфликта в окружной партийной организации, инициаторами которого были бывшие красные партизаны и исключенные из партии. Показана реакция на преступление со стороны партийного руководства области. Установлено расхождение позиций местных партийных властей и представителя центральных партийных органов относительно причин и возможных мотивов убийства. Обстоятельства расследования убийства дают представление об общей политической ситуации в области, о существовавших проблемах в партийной среде.

Ключевые слова: убийство, А. Г. Осокин, конфликт, партийная склока, красные партизаны, региональная партийная номенклатура, Курганский окружком РКП(б).

В любом коллективе, где люди вынуждены вступать в межличностные отношения, возможно возникновение ссор и конфликтов. Они могут быть вызваны столкновением взглядов, амбиций, темпераментов или другими причинами. Подобные стычки между руководящими работниками, сотрудниками органов власти в партийных документах 1920-х гг. определялись как «склоки».

Проблема склок в партийной среде в отличие от вопросов внутривнутрипартийной борьбы и борьбы с оппозицией в рядах коммунистической партии оказалась на периферии исследовательских интересов российских историков. Этому аспекту партийной повседневности уделялось внимание в основном как сопутствующему сюжету в ряде исследований по советской политической истории [2; 11; 12; 18—20, 28, 37]. В числе немногих исследователей данной проблематики можно отметить В. В. Шабалина [38; 39; 41]. В связи с незначительным количеством публикаций по данной проблеме вопрос дальнейшего изучения партийных конфликтов в форме «склок», их природы и последствий является актуальным в современной отечественной историографии.

Общая характеристика и некоторые черты красных партизан как особой социальной группы даны в работе А. В. Посадского [19]. Истории красных партизан Юга России в 1920—1930-е гг. посвящены публикации А. П. Скорика и Р. Г. Тикиджьяна [24; 25]. В них рассматривается послевоенная жизнь красных партизан, их место и роль в советском обществе. Эта тема нашла отражение и в работах О. М. Морозовой [14; 15]. Социальная адаптация и деятельность красных партизан Северной и Южной Осетии в рассматриваемый период, их социально-правовой статус и материальное положение показаны в работах С. А. Хубуловой, Б. Б. Гаглоевой и О. А. Бичилова [4; 7; 30—32]. Вопросы карьерного пути красных партизан после Гражданской войны, их политические настроения и девиантное поведение оказались в центре внимания исследователей Сибири и Дальнего Востока [3; 6; 13; 27]. Конфликту губернского партийного руководства и бывших красных партизан Минусинского уезда в начале 1920-х гг. посвящена статья А. П. Шекшеева [42]. В уральской историографии отсутствуют специальные исследования по данной проблеме за исключением небольшого сюжета о красных партизанах в монографии В. В. Шабалина [40].

Так называемые «склоки» не были редкостью для рассматриваемого периода, они периодически сотрясали партийные организации разных уровней. О. С. Березкина пишет:

© Воробьев С. В., 2017

«В наиболее острый период внутривнутрипартийной борьбы 20-х годов на местах по-прежнему имели место “склоки”» [2, с. 74]. Перманентная междоусобная война за перераспределение влияния между различными группами в партии, как в центре, так и на местах, была в тот исторический момент типичным явлением [41]. Ситуация кардинально не изменилась и в 1930-е гг. Конфликты продолжали будоражить партийные и советские учреждения. Как отмечает А. Г. Тепляков, «зачастую меркантильные и личностные конфликты перерастали в затяжные многомесячные склоки (столь характерные для внутренней жизни партийно-советских организаций)» [28, с. 176]. По мнению О. В. Хлевнюка, бурные конфликты «потрясли в конце 20-х — начале 30-х годов руководство многих регионов», они являлись отражением кризисного состояния, «в котором находилась старая партийная гвардия, и везде способствовали ее замене более энергичными и деловыми (с точки зрения Сталина) молодыми кадрами» [29, с. 144].

О борьбе личных амбиций, создании враждующих группировок в партийных организациях в разных районах страны постоянно писала партийная печать 1920-х гг., говорилось на партийных форумах. Г. Е. Зиновьев весной 1922 г. на XI съезде партии заявил: «ЦК вынужден был завести целую рубрику по вопросу о группировках. Каковы эти группировки? Самого различного вида. <...> Мы в своих тезисах написали: “Против этих группировок надо бороться беспощадными мерами”, а ЦК, для того чтобы не было сомнений, расшифровал: “вплоть до исключения из партии”» [20, с. 424].

«Склоки», связанные с борьбой группировок, подрывали нормальную работоспособность партийных организаций и их авторитет в глазах населения. Как отмечают исследователи, разделение на группировки происходило главным образом не по политическим мотивам, а по иным принципам: «более молодые члены партии против более старых, уездные против городских, партийные против советских, по национальному признаку и т.д.» [2, с. 74]¹. Эта тенденция ярко проявилась и на Урале. Уральские партийные руководители отмечали, что «вся обстановка уральской жизни до последнего времени благоприятствовала развитию местничества» [36, л. 39]. Самым действенным способом прекращения склок был перевод участников конфликта на новое место работы на другие территории. Если вышестоящие власти затягивали с решением этого вопроса, то склоки неизбежно вели к параличу власти на местах и могли иметь самый нежелательный исход, вплоть до трагического для их участников.

Драматичные события развернулись весной 1925 г. в Курганском округе. 15 мая 1925 г. в 10 часов утра в городскую больницу г. Кургана был привезен тяжело раненный на охоте заведующий организационным отделом Курганского окружкома РКП(б), член бюро окружкома Анатолий Григорьевич Осокин, «который после сделанной перевязки через несколько минут скончался» [33, л. 89]. Выяснилось, что это был не несчастный случай, а преднамеренное убийство. Ситуация складывалась экстраординарная, так как заведующий организационным отделом окружкома — это фактически второе лицо в партийной иерархии округа. Немедленно было начато следствие. Расследование убийства первоначально было поручено народному следователю 1-го участка города Кургана, надзор осуществлял старший помощник прокурора Уральской области по Курганскому округу [33, л. 89]. По данному делу было арестовано 12 человек.

Позднее, в конце мая, расследование убийства передали прибывшему в Курган из Свердловска по распоряжению Уральского областного суда старшему следователю Свердловской сессии С. В. Нестерову [35, л. 86]. Одновременно в расследовании обстоятельств убийства принимал участие член областной контрольной комиссии РКП(б) Са-

¹ Здесь О. С. Березкина приводит непрямую цитату из выступления Г. Е. Зиновьева на XI съезде РКП(б) (см.: [20, с. 424]).

пожников. О важности дела говорит и тот факт, что в Курган осуществил личную поездку полномочный представитель ГПУ на Урале И. А. Апетер [22, л. 15].

Кто же оказался убийцей и каковы были мотивы убийства? По этому поводу существовало две позиции. Первую озвучил член Центральной контрольной комиссии РКП(б) В. А. Радус-Зенькович, приехавший на Урал для обследования партийных организаций вскоре после убийства. Второй версии придерживалось региональное партийное руководство. При этом обе стороны были близки в описании политической обстановки, на фоне которой произошло убийство.

Из письма Радус-Зеньковича в ЦК партии, с которым был ознакомлен и Генеральный секретарь ЦК РКП(б) И. В. Сталин, следует, что он увидел в этом убийстве политическую подоплеку. По его версии, убийство заведующего организационным отделом окружка было совершено «группой партийцев и исключенных из партизан» [21, л. 194]. Преступление стало следствием конфликта в Курганской парторганизации. Конфликт имел сложный характер. Инициаторами «склоки» выступили бывшие красные партизаны. Они были недовольны своим социальным статусом, отношением к ним со стороны партийной организации, тем, что «их не только не используют и не дают выхода их активности, не умеют ее направить, с ними сурово обходятся при малейшем проявлении невыдержанности и пьянства. Они обозлены и культивируют свою злость» [21, л. 194]. Довольно напряженные взаимоотношения между красными партизанами и представителями советско-партийных структур были характерны для 1920-х — 1930-х гг. [25, с. 105].

Негативное психологическое состояние являлось общей чертой для послевоенного поколения. Процесс адаптации к мирной жизни проходил болезненно, особенно в связи с переходом к новой экономической политике. Негативное эмоциональное состояние участников боевых действий, связанное с неустребованностью в новой социально-экономической реальности и усиленное «посттравматическим синдромом», вело к тому, что они «начинали ненавидеть общество, которое, по их мнению, не оценило в должной мере их подвиги, не воздало им по заслугам» [1, с. 70]. Декларируемая властью забота о ветеранах Гражданской войны «входила в противоречие с их незначительным рангом исполнителей небольших должностей и обладателей невысоких человеческих качеств. Это не могло не выразиться в девиантном поведении» [14, с. 282]. Их недовольство выражалось в таких формах, как асоциальные проявления, пьянство, склонность к насильственным действиям в отношении объектов своего недовольства. А. П. Шекшеев приводит пример, как в 1921 г. в Минусинске состоялось партизанское собрание, «которое постановило уничтожить 50 “гадов”, в т. ч. ответственных работников, и захватить власть» [42, с. 84]. В 1927 г. один из бывших красных партизан г. Троицка говорил, что в случае возникновения войны они должны будут «перебить всех ответработников» [40, с. 84].

Такая склонность к насилию была обусловлена тем, что «наиболее заметными проявлениями специфического воздействия войны на психологию ее участников являются “фронтной максимализм”, синдром силовых методов и попыток их применения (особенно на первых порах) в конфликтных ситуациях мирного времени» [23, с. 94]. Таким образом, бывшие партизаны представляли собой взрывной, горячий материал, дестабилизирующий ситуацию в партийной организации и в округе.

Наличие «партизанского вопроса» признавало и партийное руководство Урала. В письме, направленном в Президиум ЦК РКП(б), уральское партийное руководство подтверждало, что в Курганской организации «в период, непосредственно предшествовавший убийству, сложилась нездоровая обстановка» [22, л. 15]. Сформировалась группа недовольных, «состоявшая, главным образом, из бывших партизан и бывших членов пар-

тии, к которой примыкал демагогически настроенный член партии тов[арищ] Буждан» [22, л. 15].

Это недовольство со стороны бывших партизан, по мнению партийных органов, было обусловлено тем, что они не смогли вписаться в мирные условия жизни, в результате чего «часть старых партизан, имеющих заслуги гражданской войны, оказались отстранены от активной советской и общественной работы» [22, л. 16]. Причин такого незавидного положения борцов за советскую власть было несколько. Во-первых, они на своих должностях активно использовали «метод партизанщины и военного коммунизма». Такой стиль руководства для людей, прошедших Первую мировую и Гражданскую войны, сводился к жесткому приказу, команде, окрику. «Многие “по делу и без дела” склонны были размахивать маузером, а то и спускать курок» [26, с. 104]. В условиях нэпа эти военные методы оказались неприемлемыми, не отвечающими потребностям времени. Другая причина аутсайдерской позиции бывших партизан — это их низкие моральные качества, результатом которых стали «злоупотребления и хищения в советских органах, повлекшие устранение ряда партизанских “вождей” от работы» [22, л. 16].

Другой аспект конфликта, на который указал Радус-Зенькович, — это натянутые отношения между старыми партийцами и партизанами, с одной стороны, и новыми молодыми членами партии — с другой. При этом первые требовали для себя должности, аргументируя это не своими управленческими способностями и навыками, а тем, что они их по праву заслужили своими прошлыми революционными и боевыми делами. «Бывшие красные бойцы считали естественным воздаяние за свои военные заслуги и верность в виде работ, наград и внимания» [15, с. 145]. Но их ожидания не оправдались, и наиболее привлекательные партийные и советские должности занимает энергичная, более способная молодежь. «Как в 1918 г. на смену выдохшимся фронтовикам пришли молодые парни — ровесники века и составили главную ударную силу Красной Армии, так и в 1920-е гг. вышедших в тираж, искалеченных 25-летних ветеранов сменила звонкая комсомольская молодежь» [14, с. 260]. В результате, отмечает Радус-Зенькович, «они видят, [что] их обгоняет новый слой работников, часть случайных выскочек и случайных в партии, проявивших себя с самой скверной стороны и в личном поведении и произволом в работе» [21, л. 194].

В этой несколько негативной и односторонней характеристике молодых управленцев просматривается сочувственная позиция Радус-Зеньковича в отношении обделенных вниманием заслуженных партизан, «доказавших свою преданность, в массе честных, преданных партии и не используемых надлежаще и не получающих надлежащего внимания, их бьет их малая политразвитость и склонность от поры военного коммунизма к простоте и прямоте действий» [21, л. 194].

Эта группа незаслуженно обиженных, как они считали, героев партизанского движения и исключенных из партии в качестве главного своего обидчика выбрала заведующего организационным отделом Курганского окружкома РКП(б) А. Г. Осокина. Это была удобная кандидатура. Во-первых, как объяснял В. А. Радус-Зенькович, «на заворга выливаются все недовольства за все ненравящиеся внутриорганизационные шаги» [21, л. 194]. Во-вторых, против молодого партийного руководителя было выдвинуто обвинение в том, что в годы Гражданской войны он был колчаковцем [21, л. 194]. По сообщению бывшего секретаря Уральского обкома РКП(б) М. М. Харитонов, в обкоме было получено письмо от одного коммуниста, «который ездил и в ЦК от имени этих названных в письме т. Радус-Зеньковича партизан — исключенных из партии за воровство и пьянство и т.д. с жалобой, что на ответственных постах устроились бывшие колчаковцы. Лично был указан

и заворг окружкома» [21, л. 193]. Вполне возможно, что этим обеспокоенным коммунистом, ездившим в Москву, был Буждан.

Дискредитация являлась распространенным приемом борьбы с противником в ходе склоки [41, с. 163]. Насколько обоснованным было брошенное в адрес партийного руководителя тяжелое обвинение? В характеристике, данной окружной контрольной комиссией, указывалось, что во время занятия Кургана белочехами, а затем войсками адмирала А. В. Колчака А. Г. Осокин служил на железной дороге, а затем «при наступлении Красных войск действительно эвакуировал все семейство в глубь Сибири, как многие рабочие и служащие под известным давлением» [22, л. 21]. Однако никакого активного участия в вооруженной борьбе против советской власти на стороне белого движения А. Г. Осокин не принимал. В декабре 1919 г. он вернулся обратно в Курган, работал на железной дороге, в июне 1920 г. вступил в ряды РКП(б). Партийная карьера А. Г. Осокина началась в 1922 г. Сначала он работал в уездном комитете партии, а затем переходит в окружком РКП(б). Как отмечалось в его характеристике, «с работой справляется <...> Авторитетом пользуется среди жел[езно]дор[ожных] рабочих. Как товарищ довольно выдержанный» [22, л. 21].

Конфликт между А. Г. Осокиным и его оппонентами носил затяжной характер. Как указывалось в той же характеристике окружной контрольной комиссии от 19 февраля 1925 г., А. Г. Осокин высказывал «желание уйти с этой работы, о чем неоднократно заявлял на парт[ийных] конференциях, также и обл[астному] комитету партии». В качестве мотива ухода с должности указывал, «что с работой трудно справиться» [22, л. 21]. Обострению конфликта способствовало и то обстоятельство, что бывшие партизаны хотели создать собственную организацию и обратились к заведующему организационным отделом окружкома с просьбой «позволить им организовать по типу каторжан (он же предлагал им организовать по типу инвалидов)» [21, л. 194].

В. А. Радус-Зенькович обвинил в бездействии областное руководство, отмечая, что убийство «могло бы быть предотвращено при более зорком и внимательном отношении Областкама» [21, л. 194]. Он утверждал, что секретарь Уральского обкома РКП(б) М. М. Харитонов получил письмо от «убитого, указывавшего на тяжелые условия и угрозу убийства (называл возможных убийц; они как раз и убили). Ничего не было предпринято» [21, л. 194]. Однако в своем ответе в ЦК партии в начале июня 1925 г. снятый к этому времени со своего поста М. М. Харитонов утверждал, что «никакого письма от убитого о том, что его хотят убить и т.д., я не получал, и, вообще, от него никакого письма не получал» [21, л. 193]. Он отвергает обвинение в бездействии, так как по этому вопросу «мы приняли ряд мер, между прочим, по соглашению с Окружкомом, направили другого заворга туда (кажется тов. Фенкеля)» [21, л. 193].

Уральское партийное руководство оспорило вывод В. А. Радус-Зеньковича о политическом характере убийства. Оно указало на то, что свою информацию московский проверяющий почерпнул «из разговоров и слухов, циркулировавших между работниками области. Остается неясным, почему т. Зенкевич¹ эти предварительные сообщения, разговоры и слухи счел возможным выдавать за установленный факт» [22, л. 15]. Действительно, после трагического события у курганских партийных работников подозрение в убийстве сразу пало на бывших партизан, о чем они и сообщили в своих беседах с Радус-Зеньковичем.

В ходе проведенных следственных мероприятий, сообщали в Москву уральские руководители, вина арестованных по этому делу не подтвердилась и «прибывший из области следователь по мере выяснения обстоятельств дела освобождал этих партизан одного

¹ Так указано в документе.

за другим» [22, л. 15]. Следствие пришло к выводу об уголовном характере убийства. Было установлено, что А. Г. Осокин «убит на охоте 17-ти летним мальчишкой, соблазненным хорошим ружьем Осокина, которое он и похитил» [21, л. 15]. Убийцей оказался житель деревни Речкиной Михаил Коротовский [5, с. 23]¹. Партийные органы согласились с выводами следствия. На заседании Президиума Уральской областной контрольной комиссии РКП(б) от 17 июня 1925 г. было принято решение согласиться с выводами Сапожникова о том, что убийство заведующего организационным отделом Курганского окружкома партии А. Г. Осокина «не носит политический характер, т.к. это вытекает из предварительного следствия» [34, л. 97]. Такое решение позволило уральским партийным руководителям заявить, что «убийство является, таким образом, случайным уголовным фактом, не имеющим никакой связи с существующей в Курганской организации обстановкой» [21, л. 15].

В письме в центральные партийные органы исполняющий обязанности секретаря Уральского обкома ВКП(б) К. В. Гей утверждал, что к расследованию этого преступления был привлечен опытный следователь [21, л. 15]. Однако изучение материалов личного дела следователя С. В. Нестерова позволяет усомниться в такой оценке. В октябре 1926 г. председатель Свердловской сессии областного суда М. Ф. Халдеев дал следующую характеристику С. В. Нестерову: «Следователь средняк, добросовестно относящийся к делу, политически развит недостаточно и в юридических вопросах отстает, т.к. недостаточно в этой области работает» [10, л. 3 об.]. Он же в так называемой «Деловой оценке» сотрудника указал: «Работает старшим следователем, теоретической подготовки нет, достаточен опыт практической работы. По вопросам своей специальности читает мало» [10, л. 1]. Сам Нестеров на вопрос анкеты «желание работать, по какой отрасли» ответил следующее: «Больше имею склонность к работам административно-хозяйственного характера» [10, л. 5].

С. В. Нестеров имел низшее образование. В автобиографии он писал: «Окончил 2-классное министерское уч[или]ще 5 отделений. <...> Учился всего пять лет. Учиться приходилось так: за лето заработаешь хлеба и одежду на зиму, а зиму учишься. Самообразованием специально заниматься не приходилось, так как не было для этого нужных условий и возможностей» [10, л. 4—4 об.].

С 1915 по 1923 г. С. В. Нестеров находился на военной службе. До февраля 1918 г. был на германском фронте, а затем вернулся домой в Сибирь. «Гражданская война застала меня дома в Иркутской губернии, где был мобилизован Колчаком и служил в качестве рядового до отправки на фронт. На фронте перешел в Красную Армию» [10, л. 5]. Уже в армии в сентябре 1919 г. в ходе партийной недели он вступает в ряды РКП(б) [9, л. 4 об.]. Затем его командируют для обучения в Екатеринбургской партийно-советской школе, после окончания которой он до октября 1921 г. работает в губернской ЧК помощником уполномоченного, а потом снова возвращается в армию и занимает там различные политические должности [10, л. 5]. Из рядов Красной Армии он демобилизуется в мае 1923 г. и уже в июне становится следователем губернского суда, а потом старшим следователем Свердловской сессии Уральского областного суда [10, л. 3; 9, л. 22 об.].

Может быть, это был лучший следователь из тех, которые имелись в распоряжении Уральского областного суда? Помимо С. В. Нестерова было еще три следователя: старший следователь областного суда Г. А. Семенчук и два старших следователя Свердловской сессии — П. К. Устинов и А. Ф. Замула. Все они были старше своего коллеги и име-

¹ В описи судебных дел Уральского областного суда за 1925 г. дело об убийстве А. Г. Осокина не упоминается. Фамилия Михаила Коротовского в ней также не фигурирует. Имеется дело по обвинению Рокотовского Михаила Ильича по ст. 76, 187 УК РСФСР [8, л. 24].

ли большой опыт работы в следственных органах: Г. А. Семенчук и П. К. Устинов — с 1920 г., А. Ф. Замула — с 1922 г. [9, л. 22 об.]. В плане образования они также превосходили С. В. Нестерова: Семенчук и Замула имели высшее образование (Г. А. Семенчук — высшее юридическое образование, А. Ф. Замула до прихода на следственную работу был учителем), а П. К. Устинов окончил четырехклассное горное училище [9, л. 23]. Единственное преимущество С. В. Нестерова перед другими следователями заключалось в том, что он был коммунистом, а они являлись беспартийными. Возможно, этот факт повлиял на выбор сотрудника для расследования убийства партийного работника. Но в любом случае на расследование громкого дела был направлен далеко не самый опытный и интеллектуально развитой 28-летний следователь.

В связи с этим возникает вопрос о том, насколько качественно были проведены следственные мероприятия, в какой мере можно доверять выводам следствия относительно истинного виновника преступления? Не был ли этот семнадцатилетний юноша сделан «козлом отпущения», фигурой, удобной для обвинения? Разве, идя на преступление, он не осознавал высокий статус своей жертвы, а следовательно, и то, что убийство вызовет широкий резонанс и расследование будет очень тщательным и будут приложены все усилия к поиску преступника, что преступление совершается в ограниченном публичном пространстве и круг подозреваемых будет известен сразу? И как, наконец, он планировал пользоваться ружьем убитого в дальнейшем, ведь это ружье было хорошего качества, скорее всего, его многие видели, а значит, оно легко могло быть опознано окружающими? Не была ли эта версия убийства выгодна как местному, так и областному руководству, говорившему о том, что убийство носило случайный характер, а не было результатом серьезных проблем в округе и что партийные органы держат ситуацию под контролем?

У убитого А. Г. Осокина осталась семья. Буквально накануне своего убийства 14 февраля 1925 г. он обратился в окружном партии с просьбой о выдаче пособия на лечение и отдых. Постановлением бюро окружкома от 16 мая 1925 г. семье убитого из фонда партийной взаимопомощи было выдано пособие в размере ста рублей [35, л. 16]. Осокина похоронили на площади Урицкого рядом с братской могилой, на могиле установили деревянный обелиск со звездой. Во время похорон состоялся многолюдный митинг. Вскоре имя убитого партийного работника было присвоено молодому саду, а также одной из улиц вблизи станции и одному из пионерских отрядов. В 1928 г. сад был передан в ведение железной дороги, «и постепенно имя Осокина в названии сада перестало фигурировать, горожане стали называть его просто железнодорожным садом» [5, с. 23].

Место убитого А. Г. Осокина пустовало недолго. Уже на следующий день после убийства бюро Курганского окружкома приняло решение назначить заведующим организационным отделом окружкома Рогова, «командированного обкомом РКП(б) для ответственной партработы» [35, л. 78 об.].

Убийство товарища не вызвало особого резонанса в местной партийной среде, не повлияло на изменение планов ответственных работников округа. Начинаясь период летних отпусков, поэтому бюро Курганского окружкома РКП(б) предоставило отпуск секретарю окружкома А. И. Сидорову с 25 мая 1925 года на полтора месяца [35, л. 81]. Также 27 мая 1925 г. был рассмотрен вопрос об отпусках помощников областного прокурора по Курганскому округу Зверева, Ремезова и Волдырева [35, л. 85]. С 10 июня в месячный отпуск ушел начальник окружного ГПУ И. Ф. Калашников [35, л. 93 об.].

Убийство А. Г. Осокина все же имело определенные последствия. Партийное руководство области в своем ответе в Москву на обвинения В. А. Радус-Зеньковича отмечало, что «наши возражения... не следует, однако, понимать, как замалчивание или отрицание так называемого “партизанского вопроса” в области» [22, л. 15]. Областной властью был

предпринят ряд мер для его разрешения. Областная контрольная комиссия РКП(б) постановила изъять из следственного дела материалы на одного из организаторов гонений на А. Г. Осокина Буждана и передать их в Курганскую парторганизацию для привлечения последнего к партийной ответственности за создание склоки. Также с целью оздоровления Курганской организации РКП(б) было предложено осуществить «переброску некоторых ответственных работников по партийной и советской линии» [34, л. 97].

Для того чтобы разрядить обстановку, снять недовольство бывших партизан «в целях устранения возможных на этой почве группировок и использования вообще растущей активности партизан, которая может получить нежелательное направление» [22, л. 16], со стороны партийного руководства были сделаны определенные шаги. В отношении Троицкого и Курганского окружкомов партии, в которых эта проблема стояла наиболее остро, Уралобком РКП(б) издал специальную директиву. В ней предлагалось «привлечь на советскую работу наименее разложившуюся и не запачканную в корыстных преступлениях часть партизан». Этим партийное руководство рассчитывало «приблизить к себе лучшую часть этой публики» [22, л. 16].

В целом этот трагический случай в Курганском округе, реакция партийных органов на убийство заведующего организационным отделом окружкома партии и вся обстановка вокруг него отражали общую политическую ситуацию в области, существовавший круг проблем, уровень политической культуры и характер взаимоотношений в партийной среде, с одной стороны, и партийной власти с местными группами населения — с другой, а также политическую повседневность региональной партийно-государственной номенклатуры.

В рассматриваемый период партизанский вопрос являлся важным фактором, провоцирующим возникновение склок в партийных и советских структурах управления. Он был способен если не дезорганизовать, то существенно осложнить деятельность местных органов власти, повлиять на принимаемые решения. И не всегда рычаги воздействия и меры по нейтрализации этого фактора со стороны власти оказывались действенными и эффективными или хотя бы своевременными.

Список использованных источников и литературы

1. Белоусов Л. С. Муссолини: диктатура и демагогия. М., 2016. 368 с.
2. Березкина О. С. Революционная элита переходного периода (1921—1927) // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 56—79.
3. Билим Н. Н. Политические настроения дальневосточников в конце 1920-х — начале 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-2 (57). С. 32—34.
4. Бичилов О. А. Социальная адаптация «красных партизан» Осетии после Гражданской войны // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2012. № 4. С. 15—19.
5. Васильева А. М. Курганские сады и парки // Зыряновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «VII Зыряновские чтения». Курган, 2009. С. 22—25.
6. Вторушин М. И. Красный бандитизм в Сибири как форма революционного терроризма в 1919—1923 гг. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 1 (48). С. 69—73.
7. Гаглоева Б. Б. Деятельность партизанских комиссий Южной Осетии в 1920—1930-е гг. // Разработка и решение актуальных научных проблем: вопросы теории и практики : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Смоленск : ООО «Новаленсо», 2017. С. 25—30.
8. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 119.
9. ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 245.
10. ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 272.
11. Колдушко А. А. Процессы инкорпорации и экскорпорации партийной номенклатуры в 1920-х — 1930-х гг. // Власть. 2012. № 3. С. 173—176.

12. Малахов Р. А., Перебинос Ю. А. Вологодское чиновничество 1918—1930-х годов // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 4. С. 137—189.
13. Метелкина Л. Н. Бывшие красные партизаны как ресурс региональной элиты (на примере Восточной Сибири первой половины 1930-х годов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5-3. С. 118—126.
14. Морозова О. М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2010. 360 с.
15. Морозова О. М. Послевоенная судьба солдат революции // Человек на исторических поворотах XX века / под ред. А. Н. Еремеевой, А. Ю. Рожкова. Краснодар, 2006. С. 143—151.
16. Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях нэпа. М., 2000. 203 с.
17. Олех Г. Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995. 144 с.
18. Перебинос Ю. А. Вологодское чиновничество в конце 1920-х годов // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 3. С. 147—159.
19. Посадский А. В. Феномен красных партизан. 1920—1930-е годы // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 78—91.
20. Протоколы одиннадцатого съезда РКП(б). М., 1936. 839 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 758.
22. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 16.
23. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. 383 с.
24. Скорик А. П., Тикиджян Р. Г. Иное понимание советской власти: история социальной борьбы «красных партизан» в 1920—1930-х гг. (на материалах Юга России) // Преподаватель. XXI век. 2009. № 3-2. С. 230—238.
25. Скорик А. П., Тикиджян Р. Г. Красные партизаны в советской действительности 1920-х — 1930-х годов (на материалах Юга России) // Российская история. 2009. № 4. С. 104—114.
26. Соколов А. К. Курс советской истории. 1917—1940. М., 1999. 272 с.
27. Татаринцов С. В. «Красный бандитизм» как порождение последствий Гражданской войны на окраинах Российской империи // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 2 (40). С. 219—226.
28. Тепляков А. Г. Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ — НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 173—185.
29. Хлевнюк О. В. Л. П. Берия: пределы исторической «реабилитации» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. А. Г. Бордюгова. М., 1996. С. 139—154.
30. Хубулова С. А. Анкеты как часть источниковой базы исследования социально-правового статуса бывших красных партизан Осетии (1920—1930-е гг.) // Известия СОИГСИ. 2016. № 21 (60). С. 60—67.
31. Хубулова С. А. Деятельность Северо-Осетинской комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (1924—1935 гг.) // Известия СОИГСИ. 2017. № 23 (62). С. 136—164.
32. Хубулова С. А. Особенности материального положения красных партизан Осетии в 1920-е гг. // Научные основы современного прогресса : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Уфа : ООО «Омега Сайнс», 2017. Ч. 2. С. 81—86.
33. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 3. Д. 133.
34. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 142.
35. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 174.
36. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 78.
37. Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х гг. СПб., 2007. 292 с.
38. Шабалин В. В. «Закулисная политика» (к истории внутрипартийных конфликтов на Урале в 1920-х гг.) // Пермская элита: становление, развитие, современное состояние : материалы Интернет-конференции (январь — март 2003). Пермь, 2003.
39. Шабалин В. В. «Как и полагалось, жизнью района руководит Круглов...» (конфликты и конвенции в среде партийно-советской бюрократии 20-х гг.) // Разрывы и конвенции в отечественной культуре. Пермь, 2011. С. 88—104.
40. Шабалин В. В. Пейзаж после битвы (из истории левой оппозиции на Урале). Пермь, 2003. 170 с.
41. Шабалин В. В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2013. Вып. 2 (22). С. 159—166.

42. Шекшеев А. П. Борьба за власть между коммунистами и централизация партийно-советского руководства на юге Енисейской губернии в начале 1920-х гг. // Известия лаборатории древних технологий. 2014. № 3 (12). С. 68—92.

Поступила в редакцию 30.08.2017

Воробьев Сергей Викторович, кандидат исторических наук
Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: svorob.hist@gmail.com

UDK 94 (470.58)“1925”

S. V. Vorobyev

The conflict in the Kurgan district committee of RCP(b): red partisans against the head of organizational department A. G. Osokin

The paper examines an extraordinary situation — the murder of A. G. Osokin, who was one of the leaders of Kurgan district committee of RCP(b) in 1925. The murder was committed in the time of conflict in the district party organization, initiated by former red partisans and those, who were expelled from the party. The paper shows the reaction to this crime by the party leadership of Kurgan region. The paper demonstrates the difference in opinions between the local party authorities and the representative of central party staff concerning the reasons and possible motives of the murder. The circumstances of investigation of the murder shows the general political situation in the region as well as current problems in the party.

Key words: murder, A. G. Osokin, conflict, party squabbling, red partisans, regional party nomenclature, Kurgan district committee of RCP(b).

Vorobyev Sergey Viktorovich, Candidate of Historical Sciences
Institute of History and Archaeology of the Ural branch of Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 620990, Yekaterinburg, ul. S. Kovalevskoy, 16
E-mail: svorob.hist@gmail.com

References

1. Belousov L. S. *Mussolini: diktatura i demagogiya* [Mussolini: dictatorship and demagoguery]. Moscow, 2016. 368 p. (In Russian)
2. Berezkina O. S. Revolyutsionnaya elita perekhodnogo perioda (1921—1927) [Revolutionary elite of the transition period (1921—1927)]. *Svobodnaya mysl'*, 1997, no. 11, pp. 56—79. (In Russian)
3. Bilim N. N. Politicheskie nastroyeniya dal'nevostochnikov v kontse 1920-kh — nachale 1930-kh godov [Political sentiments of the Far East in the late 1920s and early 1930s]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 7-2 (57), pp. 32—34. (In Russian)
4. Bichilov O. A. Sotsial'naya adaptatsiya “krasnykh partisan” Osetii posle Grazhdanskoi voyny [Social adaptation of the “Red Partisans” of Ossetia after the Civil War]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Khetagurova*, 2012, no. 4, pp. 15—19. (In Russian)
5. Vasil'eva A. M. Kurganskije sady i parki [Kurgan Gardens and Parks]. *Zyryanovskie chteniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. “VII Zyryanovskie chteniya”* [Zyryanov Readings: materials of All-Russia scientific-practical conf. “VII Zyryanov Readings”]. Kurgan, 2009, pp. 22—25. (In Russian)
6. Vtorushin M. I. Krasnyi banditizm v Sibiri kak forma revolyutsionnogo terrorizma v 1919—1923 gg. [Red banditry in Siberia as a form of revolutionary terrorism in 1919—1923]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*, 2013, no. 1 (48), pp. 69—73. (In Russian)
7. Gagloeva B. B. Deyatel'nost' partizanskikh komissii Yuzhnoi Osetii v 1920—1930-e gg. [The activities of the partisan commissions of South Ossetia in 1920—1930-ies]. *Razrabotka i reshenie aktual'nykh nauchnykh*

problem: voprosy teorii i praktiki: sb. nauch. trudov po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Working out and the decision of topical scientific problems: theory and practice questions: the collection of scientific works on the materials of the international scientific-practical conf.]. Smolensk, Novalenso Publ., 2017, pp. 25—30. (In Russian)

8. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State Archive of the Sverdlovsk Region] (GASO). F. R-148. Op. 1. D. 119.

9. GASO. F. R-148. Op. 1. D. 245.

10. GASO. F. R-148. Op. 1. D. 272.

11. Koldushko A. A. Protsessy inkorporatsii i ekskorporatsii partiinoi nomenklatury v 1920-kh — 1930-kh gg. [The processes of incorporation and ekskorporatsii party nomenclature in the 1920's — 1930's]. *Vlast'*, 2012, no. 3, pp. 173—176. (In Russian)

12. Malakhov R. A., Perebinos Yu. A. Vologodskoe chinovnichestvo 1918—1930-kh godov [Vologda officials of 1918—1930-s]. *Vologda: Kraevedcheskii al'manakh* [Vologda: Local history almanac]. Vologda, 2003, is. 4, pp. 137—189. (In Russian)

13. Metelkina L. N. Byvshie krasnye partizany kak resurs regional'noi elity (na primere Vostochnoi Sibiri pervoi poloviny 1930-kh godov) [Former red partisans as a resource of the regional elite (on the example of Eastern Siberia in the first half of the 1930s)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, no. 5-3, pp. 118—126. (In Russian)

14. Morozova O. M. *Dva akta dramy: boevoe proshloe i poslevoennaya povsednevnost' veteranov Grazhdanskoi voyny* [Two acts of drama: the battle past and the post-war everyday of the Civil War veterans]. Rostov-na-Donu, 2010. 360 p. (In Russian)

15. Morozova O. M. Poslevoennaya sud'ba soldat revolyutsii [The postwar fate of the soldiers of the revolution]. *Chelovek na istoricheskikh povorotakh XX veka* [The man in the historical twists of the twentieth century]. Krasnodar, 2006, pp. 143—151. (In Russian)

16. Nazarov O. G. *Stalin i bor'ba za liderstvo v bol'shevistskoi partii v usloviyakh nepa* [Stalin and the struggle for leadership in the Bolshevik Party in the conditions of NEP]. Moscow, 2000. 203 p. (In Russian)

17. Olekh G. L. *Partiinaya mashina RKP(b) v nachale 20-kh gg.: ustroystvo i funktsionirovanie* [Party machine RCP(b) in the early 20-ies: structure and functions]. Novosibirsk, 1995. 144 p. (In Russian)

18. Perebinos Yu. A. Vologodskoe chinovnichestvo v kontse 1920-kh godov [Vologda officials in the late 1920s]. *Vologda: Kraevedcheskii al'manakh* [Vologda: Local history almanac]. Vologda, 2000, is. 3, pp. 147—159. (In Russian)

19. Posadskii A. V. Fenomen krasnykh partizan. 1920—1930-e gody [The phenomenon of the Red Partisans. 1920-1930s]. *Voprosy istorii*, 2010, no. 1, pp. 78—91. (In Russian)

20. *Protokoly odinnadtsatogo s'ezda RKP(b)* [Protocols of the Eleventh Congress of the RCP(b)]. Moscow, 1936. 839 p. (In Russian)

21. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI). F. 17. Op. 84. D. 758.

22. RGASPI. F. 613. Op. 4. D. 16.

23. Senyavskaya E. S. *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii* [The psychology of war in the twentieth century: the historical experience of Russia]. Moscow, 1999. 383 p. (In Russian)

24. Skorik A. P., Tikidzh'yan R. G. Inoe ponimanie sovetskoj vlasti: istoriya sotsial'noi bor'by “krasnykh partizan” v 1920—1930-kh gg. (na materialakh Yuga Rossii) [A different understanding of Soviet power: the history of the social struggle of the “red partisans” in the 1920s—1930s (based on the materials of Southern Russia)]. *Prepodavatel'. XXI vek*, 2009, no. 3-2, pp. 230—238. (In Russian)

25. Skorik A. P., Tikidzh'yan R. G. Krasnye partizany v sovetskoj deistvitel'nosti 1920-kh — 1930-kh godov (na materialakh Yuga Rossii) [Red partisans in the Soviet reality of the 1920s—1930s (based on materials of Southern Russia)]. *Rossiiskaya istoriya*, 2009, no. 4, pp. 104—114. (In Russian)

26. Sokolov A. K. *Kurs sovetskoj istorii. 1917—1940* [A course of Soviet history. 1917—1940]. Moscow, 1999. 272 p. (In Russian)

27. Tatarinov S. V. “Krasnyi banditizm” kak porozhdenie posledstvii Grazhdanskoi voyny na okrainakh Rossiiskoi imperii [“Red banditry” as a consequence of the Civil War on the outskirts of the Russian Empire]. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2013, no. 2 (40), pp. 219—226. (In Russian)

28. Teplyakov A. G. Institut zamestitelei nachal'nikov politotdelov po rabote OGPU — NKVD v MTS i sovkhozakh Sibiri v seredine 1930-kh gg. [The Institute of Deputy Chiefs of Political Departments of OGPU — NKVD in MTS and state farms of Siberia in the mid-1930s]. *Ural i Sibir' v stalinskoj politike* [The Ural and Siberia during Stalin Policy]. Novosibirsk, 2002, pp. 173—185. (In Russian)

29. Khlevnyuk O. V. L. P. Beriya: predely istoricheskoi “reabilitatsii” [L. P. Beria: limits of historical “rehabilitation”]. *Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendentsii poslednikh let, pod red. A. G. Bordyugova*

[Bordyugov A. G. (ed.) Historical researches in Russia. Recent trends]. Moscow, 1996, pp. 139—154. (In Russian)

30. Khubulova S. A. Ankety kak chast' istochnikovoi bazy issledovaniya sotsial'no-pravovogo statusa byvshikh krasnykh partizan Osetii (1920—1930-e gg.) [Questionnaires as part of the source base for the study of the socio-legal status of the former Red Partisans of Ossetia (1920—1930)]. *Izvestiya SOIGSI*, 2016, no. 21 (60), pp. 60—67. (In Russian)

31. Khubulova S. A. Deyatel'nost' Severo-Osetinskoj komissii po delam byvshikh krasnogvardeitsev i krasnykh partizan (1924—1935 gg.) [Activities of the North Ossetian Commission for the former Red Guards and Red Partisans (1924—1935)]. *Izvestiya SOIGSI*, 2017, no. 23 (62), pp. 136—164. (In Russian)

32. Khubulova S. A. Osobennosti material'nogo polozheniya krasnykh partizan Osetii v 1920-e gg. [Features of the material situation of the Red Partisans of Ossetia in the 1920s]. *Nauchnye osnovy sovremennogo progressa: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch.* [Scientific foundations of modern progress: a collection of articles of international scientific-practical conf.: in 2 parts]. Ufa, OMEGA SAINS Publ., 2017, part 2, pp. 81—86. (In Russian)

33. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti* [Center for Documentation of Social Organizations of the Sverdlovsk Region] (TsDOOSO). F. 4. Op. 3. D. 133.

34. TsDOOSO. F. 4. Op. 3. D. 142.

35. TsDOOSO. F. 4. Op. 3. D. 174.

36. TsDOOSO. F. 1494. Op. 1. D. 78.

37. Chistikov A. N. *Partiino-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-Zapada Sovetskoj Rossii 1920-kh gg.* [The Party-State Bureaucracy of the North-West of Soviet Russia of the 1920s]. St. Petersburg, 2007. 292 p. (In Russian)

38. Shabalin V. V. “Zakulisnaya politika” (k istorii vnutripartiinykh konfliktov na Urale v 1920-kh gg.) [“Behind-the-scenes politics” (to the history of inner-party conflicts in the Urals in the 1920s)]. *Permskaya elita: stanovlenie, razvitie, sovremennoe sostoyanie: materialy Internet-konferentsii (yanvar' — mart 2003)* [Perm elite: formation, development, current state: materials Internet conference (January — March 2003)]. Perm, 2003. (In Russian)

39. Shabalin V. V. “Kak i polagalos', zhizn'yu raiona rukovodit Kruglov...” (konflikty i konventsii v srede partiino-sovetskoj byurokratii 20-kh gg.) [“As supposed, the life of the district is managed by Kruglov...” (conflicts and conventions in the midst of the party-Soviet bureaucracy of the 1920s)]. *Razryvy i konventsii v otechestvennoi kul'ture* [Gaps and conventions in the national culture]. Perm, 2011, pp. 88—104. (In Russian)

40. Shabalin V. V. *Peizazh posle bitvy (iz istorii levoi oppozitsii na Urale)* [Landscape after the battle (from the history of the leftist opposition in the Urals)]. Perm, 2003. 170 p. (In Russian)

41. Shabalin V. V. “Skloka” kak sposob samoregulyatsii raionnoi elity v 1920-e gody [“Bickerfest” as a way of self-regulation of the regional elite in the 1920s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya*, 2013, no. 2 (22), pp. 159—166. (In Russian)

42. Shekshhev A. P. Bor'ba za vlast' mezhdru kommunistami i tsentralizatsiya partiino-sovetskogo rukovodstva na yuge Eniseiskoi gubernii v nachale 1920-kh gg. [The struggle for power between the Communists and the centralization of the party-Soviet leadership in the south of the Yenisei province in the early 1920s]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2014, no. 3 (12), pp. 68—92. (In Russian)